

Дикари и дикие животные Африки

Январь 1911

ТЕОДОР РУЗВЕЛЬТ (1858—1919)

Солдат, сочинитель, охотник на крупную дичь и президент Соединенных Штатов Теодор Рузвельт жил жизнью такой насыщенности, о которой редко кто может и мечтать. После восьмилетнего пребывания в Белом доме он почувствовал, что силы его начинают убывать. На рубеже пятидесяти лет он был слеп на один глаз, мучился подагрой и имел изрядный живот, чем впоследствии в Африке заслужил прозвище «бвана тумбо», что с языка суахили можно перевести примерно как «господин Брюхо». Вот он и убедил себя в том, что только суровая и опасная охотничья вылазка в богатую дичью Восточную Африку может достойно завершить полную напряженных трудов жизнь, которую он всегда вел и любил.

Но не только крупные охотничьи трофеи интересовали Рузвельта. Он планировал добыть образцы африканской флоры для Смитсоновского института в Вашингтоне.

В результате сафари 1909–10 годов до сих пор остается крупнейшим из всех, когда-либо имевших место в Восточной Африке. В течение 11 месяцев отряд натуралистов, таксидермистов, проводников и носильщиков пробирался по бушу и саванне Кении, Уганды и Судана. Тысячи животных, рыб, насекомых и даже раковин были собраны, упакованы в ящики и морем отправлены в Вашингтон, став крупнейшей коллекцией, когда-либо вывезенной из Африки одной экспедицией.

Во время сафари Рузвельт поражал всех своей неиссякаемой бодростью. Казалось, сон совершенно чужд ему. Когда он не испытывал свое оружие на львах и слонах, он изучал птиц и с мальчишеской увлеченностью исследовал содержимое желудков убитой дичи. В минуты отдыха, когда прочие дремали, он доставал одну из шестидесяти книг, специально переплетенных и упакованных для этого путешествия и представлявших широкий спектр литературы – от Библии и Шекспира до Марка Твена. Вечерами он наслаждался экзотическими блюдами – супом из слоновьего хобота, языком сернобыка, печенью страуса, а потом, уютно устроившись, до поздней ночи вел оживленную беседу – что было истинной мукой для некоторых проводников, так как,

будучи поборником трезвости, экс-президент запретил употребление спиртного во время сафари.

За путешествием Рузвельта по африканскому бушу внимательно следили и пресса, и общество, а по возвращении в Штаты первая его публичная лекция в Вашингтоне была организована при содействии Национального Географического Общества.

Его полное юмора выступление было опубликовано в январском номере National Geographic за 1911 год. Отрывки из этой речи представлены здесь.

Могу утверждать, что ни одна из экспедиций такого рода не возвращалась из Африки или Азии с таким количеством образцов, какое добыли мы, в особенности образцов крупных животных, а добытое нами количество шкур и во многих случаях и скелетов квадратно-челюстных носорогов, сетчатых жирафов, гигантских антилоп-каппа, бело-морщинистых антилоп – лехве, водяных козлов несопоставимо с содержащимся в любом из европейских музеев. Мы привезли с собой около 14000 млекопитающих, птиц, пресмыкающихся, рыб и т.п.

И, повторю еще раз, трудно переоценить ту роль, которую сыграли в экспедиции мои товарищи. Основное количество образцов доставили не мои выстрелы – их получили натуралисты, руководимые мистером Уолкоттом, – находясь со мной, они сохраняли образцы, что и составило коллекцию. Не так уж трудно, забравшись в дебри, подстрелить слона или белого носорога, или сетчатого жирафа, или гигантскую антилопу, но крайне трудно получить хорошие фотографии этих животных, а еще труднее – освежевать их и транспортировать шкуры и черепа многих из них. Возможно, я дам вам представление о трудности их работы, если упомяну о десяти тоннах соли, которые мы израсходовали за время экспедиции (этой солью, которую за нами несли туземцы-носильщики, мы дубили шкуры), или расскажу о том количестве людей, которое требуется, чтобы поднять тушу убитого слона – 20 человек и никак не меньше.

Я всегда буду помнить вечер, когда я застрелил львицу. Носильщиков, которые были со мной, чрезвычайно возбудила эта удачная охота, потому что львы часто оказываются людоедами, нападающими на туземцев, и те всегда рады в свой черед отомстить им, почему и радуются убийству львов. Подстрелил львицу я поздно вечером, и носильщики попросили моего разрешения отнести добычу в лагерь целиком, не освежевая ее и не расчлняя. Я подумал, что с задачей они не справятся, но согласился

шел лев. Он держался сбоку и, думаю, не совсем ясно нас видел. Он чувствовал запах львицы, чувствовал и наш запах, но, по-моему, не понимал до конца, что произошло. Он прошел рядом с нами километра три, испуская какие-то стоны или же зевая. Нам, конечно, приходилось быть начеку. Со мной был еще один белый, и мы с ним шли попеременно – то один сзади, то другой, так чтобы прикрывать процессию с львицей; ведь известно, что львы чаще всего атакуют последнего. Лев все еще был рядом, когда с другой стороны вдруг послышалось фыркание – последовательность резких звуков, похожих на пыхтение парового двигателя. Это был носорог или же, как я думаю, два носорога.

Недостатком носорогов является слабый ум, в то время как сильная сторона их – храбрость, поэтому иметь дело с этим несносным созданием – задача не из простых: носорог не понимает, что вы можете причинить ему вред, в то время как в нем достаточно злобы и желания причинить вред вам. Избавиться от него можно лишь одним способом – убив животное. Разумеется, убивать кого-либо без нужды мы не желали и еще более не желали быть убитыми. Темнота была непроглядная, луна не показывалась, хотя звезды на небе и светили. Всякий раз, заслышав фыркание носорога, мы спешили прикинуться к земле – лечь или съежиться на ней – и пытались различить в темноте силуэт носорога, чтобы знать, куда стрелять, если зверю вздумается напасть на нас. Несколько раз мне пришлось умолять носильщиков, «умолять» – это еще мягко сказано, не бросать все и не разбежаться, если дело дойдет до стрельбы. В конце концов, оторвавшись от обоих – и льва, и носорога, – мы оказались возле находившегося мильх в трех от нашего лагеря короля масаев.

Несшие львицу туземцы очень устали, и я решил, что лучше всего будет сделать остановку и освежевать хищницу. И мы попросили масаев впустить нас в кораль, чтобы мы могли это сделать. На ночь масаи загоняют скот в кораль, помещая его в самую середину огороженного пространства, по кромке которого расположились квадраты хижин. Масаи ответили, что впустить нас внутрь не могут – запах львицы вызовет панику у скота. Думаю, масаи не доверяли нам. Мой товарищ хотел отдать им свое ружье – в доказательство наших добрых намерений, но масаи отказались взять ружье. Они снабдили нас факелами, и мы развели костер. Мало-помалу масаи убедились, что мы не замысливаем худого, и стали выходить и становиться в кружок, глядя на то, что мы делаем. Наши носильщики сгрудились возле огня, и оруженосцы принялись за свежевание. Воины-масаи и их

женщины образовали кольцо вокруг нас – они болтали и перешучивались с носильщиками...

Не думаю, чтобы какая-нибудь иная поездка по железной дороге могла сравниться с поездкой в главный город Британской Восточной Африки – Найроби. Британские власти отвели изрядную часть территории заповеднику, где сохранялись дикие животные. Во время поездки с побережья губернатор Джексон, любезно встретивший меня в Момбасе, знаменитый английский охотник Селус и я проводили время, сидя на скотоотбойнике паровоза и наблюдая картины, схожие с пейзажами райского сада в отсутствие Адама и Евы. В какой-то момент перед нами мелькнуло стадо жирафов – до восьми особей проскакали характерным своим галопом. Потом мы заметили группу пестрых коровьих антилоп – на поезд наш они не обратили никакого внимания, а потом – на повороте машинисту пришлось дать отчаянный свисток, чтобы согнать с железнодорожного полотна зебр. Последняя упрямылась и брыкалась, потом, поскакав прочь и удалившись шагов на пятьдесят, обернулась и стала глядеть на поезд. Затем путь нам пересек и удалился в дебри носорог.

В Найроби насчитывается пять или шесть тысяч жителей. На мой взгляд, небольшой этот город очень привлекателен. Дома в нем разбросаны широко, и дикие звери часто подходят к окраинам. Наш приятель мистер Макмиллан предоставил нам свой дом, и во время нашего там пребывания на площадку перед домом однажды ночью заявился леопард, преследовавший собаку. В другой раз один из местных служащих, комиссар полиции, ехал вечером на велосипеде, парадно одетый для званого ужина и, разумеется, безоружный, – чуть не налетел вдруг на льва. К счастью, лев, и сам напуганный не на шутку, поспешил уйти. Два вечера подряд я ужинал в гостях. Оба ужина мало чем отличались от ужинов где-нибудь в Вашингтоне или Лондоне – дамы в нарядных легких платьях, мужчины в вечерних костюмах.

Люди здесь селятся вразброс и рассказывают, что за несколько дней до нас одна молодая дама отправилась на велосипеде на репетицию любительского спектакля, но была сбита на землю бегущими зебрами. Полученные травмы помешали ей принять участие в репетиции.

Два зверя, наиболее интересующие как меня, так и других охотников, это слон и лев. Чтобы сохранить популяцию слонов, в Восточной Африке предпринимают значительные и весьма успешные меры. Самцов разрешается отстреливать не ранее того, как их бивни достигают определенной длины, что же касается самок и детенышей, то их отстрел запрещен вообще. В результате, несмотря на уменьшение общего коли-

чества слонов в Восточной и Центральной Африке, животным этим вымирание, на мой взгляд, не грозит. Наблюдать за слонами всегда интересно, но делать это в излюбленных ими местах обитания надо с большой осторожностью – быть обнаруженным слонем весьма неприятно.

По моему мнению, слон все же не так опасен, как буйвол, и, конечно же, далеко не так опасен, как лев. Но при этом встречаются и очень злые слоны, убившие немало народу. Если, приблизившись к слону, понаблюдать за ним некоторое время, то можно убедиться, что он постоянно находится в движении. Ни разу не видел я, чтобы слон оставался неподвижен. Он то машет ушами, то поднимает вверх хобот, точно приносиваясь, то переминается с ноги на ногу. Когда, встав лагерем в Ладо, мы охотились на белых носорогов, кругом было полно слонов. К тому времени мы уже завершили сбор слоновьих образцов и не собирались тревожить животных. Однажды, удалившись от лагеря километра на два с половиной, мы вдруг увидели слоновье стадо голов в 50–60, сопровождаемое стаей из нескольких сотен белых цапель.

Вначале слоны оставались на плоской открытой площадке с высокой выжженной травой. Как только слоны переместились – двинулись по ковру из низкой травы, – цапли последовали за ними и стали склеивать спугнутых слоновьими шагами кузнечиков. Едва слоны достигли зарослей высокой травы, цапли поднялись в воздух и уселись на спины слонов. На спине одного розового слоненка уместились целых две цапли. По-видимому, слонов птицы ничуть не беспокоили, иначе они согнали бы их хоботами. Присутствие наше в некотором отдалении их тоже не волновало – лишь бы не приближались.

Со стороны лагеря доносились звуки выстрелов – доктор Мирне стрелял птиц, но слоны и на это не реагировали. Два дня они оставались рядом с нами, и мы могли подойти к ним поближе и наблюдать их, сколько пожелаем. Впрочем, подходить слишком близко мы не решались – стрелять их мы не хотели, а между тем самка, думающая, что детенышу ее грозит опасность, запросто может напасть на человека.

Слон – самое умное из животных. Наблюдать за носорогами не так интересно, как наблюдать за слонами, потому что носороги далеко не так умны. Когда мы завершили отбор необходимого количества образцов среди носорогов, проблемой стало отвадить этих животных, мешавших нам добывать другие образцы. Забавно, как скоро привыкли мы к этим одолевавшим нас махинам. В цивилизованном мире, если попросить кого-нибудь сделать вам одолжение и спугнуть носорога, на вас поглядят не без удивления, в то время как в Африке такая просьба – дело

Теодор Рузвельт стоит возле огромной туши убитого слона. Самец этот пал во имя науки, так как сафари Рузвельта являлось также и научной экспедицией, ставившей перед собой задачу добыть экспонаты для Смитсоновского института

самое обычное. Когда носорог рядом, всегда есть возможность стать жертвой его атаки, вызванной либо глупостью этого животного, либо его страхом или гневом. Беда в том, что не знаешь, что ему взбредет на ум. Нередко, подойдя уже на расстояние шагов в 25, он вдруг разворачивается и пускается наутек, но, не владея искусством чтения чужих мыслей, никто не может быть уверен, что знает намерения носорога. Организовавший для нас это сафари Канингхем несколько раз посылал меня отпугивать носорогов, слишком близко подходивших к тропе, и я выполнял это задание – очень осторожно. Однажды, когда мы с Канингхемом преследовали буйволов на Гвадо-Найро, он внезапно остановился и обернувшись сказал с видом досадливым, но смущенным: «О, мистер Рузвельт, гляньте-ка, носорог! – и продолжал: – Я не хочу терять след. Может быть, вы пойдете и спугнете его? Только не шумите очень уж, не то и буйволы испугаются!»

Я повиновался, не очень понимая, как надо шуметь, чтоб испугать носорога, но не потревожить буйволов. Когда я выбрал наконец нечто

вроде золотой середины, носорог наострил уши, поднял хвост и после некоторого раздумья неровными зигзагами затрусил прочь, освобождая нам дорогу. Пройдя еще метров восемьсот, мы увидели стадо буйволов, и уже начали подкрадываться к нему, и были совсем у цели, как охоту нашу прервал душераздирающий крик откуда-то сзади. Буйволы, естественно, разбежались. Вернувшись назад, мы узнали, что во время остановки, когда мы прогоняли носорога, один из носильщиков обронил нож. Обнаружив пропажу, он вместе с двумя другими носильщиками отправился искать этот нож и наткнулся на вновь явившегося носорога. Очевидно зверь, решив, что его достоинство оскорбили, вознамерился отомстить обидчикам. Он накинулся на носильщиков и нанес удар одному из них. В результате нам пришлось на время забыть о буйволах и оказывать первую помощь пострадавшему.

Чрезвычайно интересным было зрелище, которое я наблюдал в Африке, – зрелище охоты куда более опасной, чем ружейная. Смелость, которой требует подобная охота, не сравнима ни с чем.

Мы стали свидетелями того, как туземцы-нанди копыями убивали льва. Нанди – это северная ветвь народности масаи. Они прекрасно развиты физически – высокие, крепкие, мускулистые. Их воины вооружены щитами из бычьих шкур и очень тяжелыми копыями в 2–2,5 метра длиной и с железным наконечником в виде длинного острейшего лезвия; с тыльной стороны копыя тоже железо. Деревя на таком копые совсем немного, только для хвата рукой. Длина наконечника – примерно метр двадцать. Нанди специально пришли, чтобы показать мне, как убивают льва копыями.

Несколько человек из нашей команды верхом отправились с ними – помочь нанди окружить льва. Путь наш занял часа три или четыре; с полдюжины всадников сопровождали туземцев, которых было человек сорок – стойких, закаленных мужчин с копыями и щитами из бычьих шкур. Мы подняли льва – огромного, с пышной гривой – и, преодолев милю-другую, загнали его в кусты, после чего люди с копыями поспешили к зверю. Картина была впечатляющая. Первый туземец подошел и остановился метрах в 50 от льва (мы не спускали с него глаз, держа наизготовку ружья на случай, если льву вздумается прыгнуть на человека). Затем туземец пригнулся, выставив впереди щит и глядя поверх щита на зверя. Туземцы подходили друг за другом, пока не взяли льва в кольцо. Все они пригибались к земле, загораясь щитами. Лев оставался под кустом. Видя, что его окружают, лев стал сердиться – он рычал, и хвост его ходил ходуном. Было интересно глядеть, как образуется это кольцо вооруженных копыями людей, наблюдать их сосредоточенные лица с

глазами, устремленными на зверя, могучего людоеда, очутившегося в ловушке и гневающегося от этого все больше и больше. Как только лев оказался окруженным со всех сторон, нанди поднялись и стали сжимать кольцо. Лев метнулся туда, где людей было меньше. Стоящий впереди охотник напрягся, изготавившись. Мы видели, как подобрался, как налились энергией его мускулы. Он стал похож на бронзовую статую. Бой собрались принять пять или шесть туземцев. По два или три человека с каждой стороны вскочили и выдвинулись вперед, готовые принять участие в схватке и помочь тому, кого лев выбрал для атаки. Когда зверь был от него на расстоянии не больше шести шагов, туземец метнул копье. Он не отвел плечо назад, бросая, а сделал лишь легкое движение кистью, посылая тяжелое копье вперед.

Копье вонзилось в левое плечо зверя и, пройдя сквозь него по диагонали, вышло, чуть не дойдя до правого бедра. Лев встал на дыбы, подобно тому, как это делает лошадь, и, отбросив щит, вонзил в охотника клыки и когти. В ту же секунду вперед выскочил и бросил свое копье стоящий сбоку туземец. Наконечник копья сверкнул на солнце белым пламенем. Копье вошло и вышло, проткнув насквозь грудь зверя. Лев бросился на атакующего, но укусить не смог, лишь прихватил его когтями. Третье копье свалило зверя на землю. Он вцепился в копье зубами и, грызя, согнул его, превратив в подобие подковы. Тут уж все скопом накинулись на льва, и через секунду все было кончено. Вся сцена длилась, я думаю, не более десяти секунд, но эти десять секунд стоили того, чтоб их прожить и увидеть то, что мы видели.

В следующие девять оставшихся ему лет Рузвельт еще раз баллотировался в президенты, а также предпринял тяжелейшее плаванье по реке в Бразилии. Но он всегда с особым удовольствием вспоминал африканские приключения. Ни одно путешествие, с жаром уверял он, не сравнится по увлекательности с этой поездкой в Африку. Как выразился его друг Карл Экли, «мало кто сумел столько вынести из путешествия в Африку, ибо мало кто сумел так прикипеть к ней душой».